

АРИСТОН ХИОССКИЙ

Александр Санжеников

Место и роль в стоицизме

Одним из самых занимательных сюжетов в истории философии является взаимоотношения между учителем и учеником. Если ученик достаточно талантлив, то он ни в коем случае не станет ортодоксальным последователем, а обязательно подвергнет учителя критике и внесет в его учение коррективы (самый известный пример: Платон и его ученик Аристотель). Внимательный анализ того, что и как критикует ученик, может многое сказать нам об учителе.

Аристон из Хиоса (1-я пол. III в. до н. э.), будучи учеником Зенона из Кития, философствовал настолько отличным образом от своего учителя, что «прослыл основателем нового направления» (I 333)¹. Что же нового, по сравнению со своим учителем, изобрел Аристон? По сути дела, почти ничего, однако он по-своему расставил акценты. Ученик уяснил магистральный тезис основателя Стои: только нравственно-прекрасное – благо, только порочное есть зло (III 29-37), и в соответствии с этим положением отверг всякое деление на предпочтительное и неpreferируемое в рамках безразличного. Ко всему тому, что не имеет отношения ни к добродетели, ни к пороку, нужно относиться с безразличием (I 360), что совершенно не противоречит вышеозначенному «магистральному тезису». Тем не менее учение Аристона было расценено как «ересь» и подвергнуто критике. При этом стоит обратить внимание на то, что отступничество Аристона явилось «первым концептуальным выражением скрытой тенденции в развитии стоической доктрины» (прим. к I 351), т. е. ученик высказал то, что говорил учитель, но более последовательно и с большим формализмом. «Аристон, таким образом, проясняет до последней степени одну тенденцию стоической этики (показать, что только благо, или добродетель, может служить предметом нравственного целеполагания и что, по сути дела, между добродетелью и пороком действительно нет ничего «среднего»), но платит за это совершенным забвением другой, для стоиков не менее важной тенденции (показать, что само стремление к добродетели *естественно*)» (прим. к I 361).

Только что приведенные цитаты свидетельствуют о том, что роль и место Аристона из Хиоса вполне определены и более не нуждаются в уточнении. Однако мы полагаем, что в характеристике воззрений Аристона есть некоторая неполнота, которая препятствует отчетливому пониманию стоической традиции. В чем заключается эта неполнота и как мы можем ее устранить? С одной стороны, мало кто задумывается, почему все-таки Аристон объявил «предпочтительное безразличное» вне закона. С другой, многие забывают, что отречение от традиционного стоицизма (к которому мы относим Зенона и его последователей – Клеанфа, Хрисиппа) свидетельствует о непонимании Аристом важным нюансом учения

Зенона. Прояснив два этих пункта, мы приблизимся к пониманию стоицизма. Поможет нам в этом Секст Эмпирик. В своей книге «Против ученых» он объясняет, почему безразличное, по мнению Аристона, не может быть «предпочитаемым»: «Говорить, что здоровье – это предпочитаемое безразличное, – все равно, что оценить его как благо, и разница будет только в названии» (I 361). В словах Секста очень понятный аргумент: здоровье не благо, а значит, к нему нельзя стремиться, следовательно, оно не предпочтительное безразличное, а безразличное. Однако есть в этом рассуждении скрытое основание, которое мы читаем «между строк». Относится оно даже не к этике, а скорее к психологии стоиков. И сформулировать его мы можем следующим образом: стремиться можно только к *одному* и акт устремленности в определенный момент в душе человека будет *единичным*. Для сравнения вспомним платоническую традицию, в рамках которой душа человека представляла как поле борьбы между воделеющей частью, мужественной и разумной. В платонизме человек может одновременно стремиться к различным целям, в стоицизме не может. В стоической философии ведущему началу души человека ничто иное не противостоит. Хорошо понимая это, Аристон был вынужден предпочесть одно, и его выбор был не в пользу безразличного.

Итак, Аристон абсолютно верно уяснил мысль своего учителя относительно стремления человека. Согласно психологическому монизму, стоический человек не может одновременно стремиться к различным целям. Но если ученик все верно понял, то почему он стал «еретиком»?

Мы подошли ко второму вопросу: какой же важный нюанс упустил Аристон. Ответ довольно прост: ученик не понял (а может быть, не принял) того, что стремление у человека одно, но проявляться оно может различно, т. е., когда человек устремлен к благу, это означает и то, что он стремится к предпочтительному безразличному (например, заботится о здоровье), потому что это единый процесс, однако имеющий различные уровни. В истории философии эти уровни чаще всего различаются как «принцип и материя поступка» (см.: А. А. Столяров «Стоя и стоицизм», 1995. С. 187), где материя поступка – это то, *что* мы делаем, а принцип поступка – это то, *как / почему* мы это делаем (см.: С. Jedan «Stoic Virtues», 2009. p. 125).

Итак, Аристон из Хиоса отверг учение своего учителя и стал по-своему излагать философию. Но именно благодаря «еретику» Аристону стоическая традиция представляется нам более отчетливой. В частности с его помощью мы начинаем понимать суть стоического ригоризма, который заключается в следующей установке: человек может стремиться только к *одному* объекту.

¹Здесь и далее ссылка на фрагменты ранних стоиков делается по: [Фрагменты ранних стоиков, т. I, 1998; т. III, 2008]. Римскими цифрами в круглых скобках указан том, арабскими – номер фрагмента.

На иллюстрации: фреска Рафаэля «Афинская школа».*

«Меланхолия» Ларса фон Триера
 # Достоевский и сверхчеловек
 # Садистский атеизм
 # Ригоризм Аристона Хиосского

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКЦИИ

Уважаемый читатель, ты держишь в руках второй номер газеты философского факультета! Известно, что через одну точку, лежащую на плоскости, можно провести бесконечное количество линий, а через две точки – только одну. А значит, пришло время задуматься, куда ведет эта линия.

Многие уже состоявшиеся философы, наверняка, согласятся, что занятие философией условно можно разделить на две «вехи»: первая – это увлечение, а вторая – дело всей жизни. На первом этапе молодой мыслитель горит желанием «объять необъятное», познакомиться со всеми направлениями, течениями, с идеями выдающихся умов разных эпох, разобраться в «хитросплетении» терминов и сентенций. Для этого этапа свойственна эйфория от полученных знаний, а результативность этого процесса не стоит во главе угла. Неофиты получают удовольствие от самого процесса познания философского наследия, они впитывают знания, интерпретируя, но не критикуя.

Второй же период, в который вступают только те, кто сохранил интерес к этому сложному предмету, есть методическая профессиональная деятельность, предполагающая постановку целей и их достижение.

Наша газета – это «прибежище» для молодой и любознательной мысли, пока еще не ограниченной рамками определенных предпочтений, но уже не довольствующейся простым усвоением чужих идей. Для молодого автора мы снимаем «ценз» новизны и неперемного вклада в мировую философию. Самое важное в том, чтобы находящийся в первой вехе, не утонул в океане философских концепций, не стал безгласным узником одного учения и не был придавлен собственным интеллектуальным тщеславием, а, сохранив интерес к предмету, вступил на путь серьезного исследования, путь несравненно более сложный. Вступая на него, важно понимать, что «все прекрасное – трудно», как гласит древнегреческая поговорка.

В оформлении обложки использована репродукция фрески Рафаэля Санти (1483 – 1520) «Афинская школа».

В 1508 г. по приглашению папы Юлия II Рафаэль отправляется в Рим. Папа поручает художнику роспись парадных залов (станц) Ватиканского дворца. В Станца делла Сеньятура (1509–1511) Рафаэль представил четыре области человеческой деятельности: богословие («Диспут»), философию («Афинская школа»), поэзию («Парнас»), юриспруденцию («Мудрость, Мера, Сила»), а также соответствующие главным композициям аллегорические, библейские и мифологические сцены на плафоне. Фреска «Афинская школа» воплощает величие философии и науки. Ее основная идея – возможность гармонического согласия между различными направлениями философии и науки – относится к числу важнейших идей гуманистов. Под сводами величественного здания расположились группами древнегреческие философы и ученые. В центре композиции Платон и Аристотель, олицетворяющие античную мудрость и представляющие две школы философии. Платон указывает пальцем на

небо, Аристотель простирает руку над землей. Воин в шлеме – Александр Македонский, он внимательно слушает Сократа, который, что-то доказывая, загибает пальцы. Слева, у подножия лестницы, Пифагор, в окружении учеников, занят разработкой математических проблем. Человек в венке из виноградных листьев – Эпикур. Человек, сидящий, опершись на куб, в задумчивой позе, – Микеланджело в образе Гераклита. На ступеньках лестницы расположились Диоген. Справа Евклид, склонясь над доской, измеряет циркулем геометрический чертеж. Ступени лестницы символизируют этапы овладения истиной. Рядом с Евклидом стоят Птолемей (держит в руках земной шар) и, вероятно, пророк Зороастр (держит небесный глобус). Чуть правее стоит сам художник (смотрит на зрителя). Хотя на фреске представлено свыше 50 фигур, свойственное Рафаэлю чувство пропорций и ритма создает впечатление удивительной легкости и простора.

Источник: abc-people.com

◆ ◆ ◆ Редакция

Главный редактор: А. Санжеников
Редактор: А. Слесарев
Дизайн и верстка: О. Костырев
Координатор: А. Макарова
Авторы: Д. Маслов, Н. Кочеткова, В. Привалова, К. Родин

Автор названия газеты: С. Черниговский
E-mail: philosgazetansu@gmail.com
Адрес редакции и издательства: 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.
Электронная почта: press@nsu.ru

Телефон: (383) 363-40-15, 363-43-51
№2 (2) апрель-май 2012 г.
Отпечатано в РИЦ НГУ.
Время подписания в печать: 31.05.12.
Тираж: 300 экз.
Корректор: О. М. Исаченко

Ad hoc

от *hic / haec / hoc* (букв. 'для этого, применительно к этому'). *Ad hoc* – говорится тогда, когда предлагаемому решению не хватает независимых обоснований (напр.: *ad hoc committee* 'временный комитет'; «Я знаю, что не только книгу в России запретят, но что учредят особый пограничный кордон *ad hoc* [как раз для этого случая] и новое ведомство предупреждения и пресечения ввоза мятежной книги – и все-таки печатаю ее для русских в России» (А. И. Герцен)).

Ad hoc hypothesis

гипотеза, предназначенная для объяснения отдельных, специальных явлений, которые невозможно объяснить в рамках данной теории. Для объяснения этого явления данная теория предполагает существование дополнительных, еще не открытых условий, с помощью которых объясняется исследуемое явление. Таким образом, гипотеза *ad hoc* делает предсказание в отношении тех явлений, которые необходимо открыть. Эти предсказания могут сбыться или нет. Термин введен И. Лакатосом. В фальсификационизме Поппера гипотезы 'для данного случая' названы незаконными.

Amicus Plato sed magis amica veritas

'Платон мне друг, но истина гораздо больший друг', данное утверждение основывается на свободной трактовке Аристотеля (Никомахова этика, 1096а): «Пусть мне дороги дружба и истина, однако долг повелевает отдать предпочтение истине». Впоследствии интерпретация этого выражения, переведенная римлянами на латынь, в такой форме и дошла до наших дней. В частности фраза встречается в романе Сервантеса «Дон Кихот» (2 часть, 51 гл.), в письме Дон Кихота к Санчо Панса, служившему в те дни губернатором: «Тут у меня вышло одно обстоятельство, из-за которого я, пожалуй, попаду в немилость к их светлостям, и мне это неприятно, но ничего не поделаешь, ибо в конце-то концов мне надлежит считаться не столько с их удовольствием или же неудовольствием, сколько со своим собственным призванием согласно известному изречению: *amicus Plato magis amica veritas*. Пишу тебе прямо по-латыни в надежде на то, что за время своего губернаторства ты уже изучил этот язык... Твой друг Дон Кихот Ламанский».

Argumentum ad hominem

(букв. 'аргумент к человеку') – ответ на аргумент, основанный не на логическом рассуждении, а на выпаде против человека, выдвинувшего этот аргумент. Демагогия часто содержит в себе аргументацию *argumentum ad hominem*.

Подразделяется на виды:

ad personam ('переход на личности') – личные нападки, состоящие в критике или оскорблении оппонента, *ad hominem circumstantiae* – объяснение точки зрения оппонента его личными обстоятельствами, *ad hominem tu quoque* ('и ты тоже') – указание на то, что оппонент сам действует вопреки аргументу.

Структура *argumentum ad hominem*:

1. Человек А утверждает Х.
2. О человеке А известно нечто неприемлемое.
3. Следовательно, утверждение Х ложно.

Напр.: – Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами! – говорит покупательница торговке. – Что? – кричит та. – Мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца виши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне! Ишь целую простыню на платок извела! Знаем, небось, откуда все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, не щеголять тебе в нарядах! Порядочные-то за своим домом следят, а таким – самое место в каталажке! Дырки бы на чулках заштопала! (Гегель Г.Ф.В. Кто мыслит абстрактно?).

Barbara

это имя используется как часть мнемонической системы, разработанной средневековыми студентами для запоминания правильной формы силлогизма ('Barbara', 'Celarent', 'Darii' etc.). Поскольку этот силлогизм состоял из трех общеутвердительных суждений (или А), для его запоминания было выбрано женское имя, содержащее три буквы «а»). Аристотель считал, что силлогизм, который впоследствии прозвали *Barbara*, является наиболее подходящим аргументом для научного объяснения.

Материал предоставлен М. Н. Вольф

ЛАТИНСКИЙ ДЛЯ ФИЛОСОФОВ

Замечательный историк философии, профессор Джеймс Лешер (Университет Северной Каролины), переводчик и комментатор фрагментов раннегреческого философа Ксенофана, написал для своих студентов небольшое пособие «Латынь и греческий для студентов», чтобы помочь им в понимании фраз, с которыми они могут столкнуться, изучая философию. Мы начинаем публикацию серию словарных статей с наиболее употребительной «философской» лексикой и фразеологией из латыни и древнегреческого языка. В основе – статьи из пособия Дж. Лешера, но существенно переработанные. Разумеется, освоение этих фраз не даст возможности в совершенстве изучить классические языки, но зато позволит чувствовать себя свободнее и увереннее на «территории» философии. Главное, от чего предостерегает и профессор Лешер, – это устоять перед искушением «обильно орошать» этими замечательными выражениями собственную речь – ведь нет лучшего способа продемонстрировать свое невежество, чем говорить на плохо знакомом языке. А это в свою очередь прекрасный *stimulus* для более близкого знакомства с классическими языками.

A–B

a или *ab* – ‘из, от’
pro – ‘перед’ или ‘вместо’
ad – ‘в’ или ‘к’
per – ‘через’ или ‘по’
de – ‘от’ или ‘касательно’
post – ‘после’
ex – ‘из’ или ‘с’ (откуда)
propter – ‘вследствие’
in – ‘в’ или ‘на’
sub – ‘под’

A fortiori

от прил. *fortior* / *fortius* (букв. ‘исходя из более весомого, тем более, подавно’) – ‘приводить доводы, основываясь на уже установленном более строгом утверждении’ (напр.: *Все животные смертны, a fortiori* все человеческие существа смертны). *A fortiori* – то, что доказано в отношении менее очевидного, тем более должно быть признано в отношении более очевидного.

A posteriori

от прил. *posterior* / *posteriorus* (букв. ‘из последующего’) – ‘вещи, известные’; *a posteriori* – то, что известно на основании опыта (напр.: *Мы можем только a posteriori* узнать, что все лебеди белые).

A priori

от прил. *prior* / *prius* (букв. ‘из предыдущего’) – ‘то, что известно, чтобы быть истиной’; *a priori* – то, что должно быть известно независимо от (или прежде, до) эмпирического исследования или подтверждения (напр.: Кант считал, что мы можем знать *a priori*, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками; эту информацию нам не приходится в голову проверять на опыте).

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

21 февраля 2012 г. в Институте философии и права СО РАН состоялась защита Вольф Марины Николаевны. Ее диссертация «Становление эпистемического поиска в раннегреческой философии: Гераклит и Парменид» представлена на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

В роли официальных оппонентов выступили д-р филос. наук проф. Р. В. Светлов (Санкт-Петербург), д-р филос. наук, проф. В. А. Суровцев (Томск), д-р филос. наук, проф. О. А. Донских (Новосибирск). Ведущая организация – Институт философии РАН, г. Москва.

М. Н. Вольф – выпускница Философского факультета НГУ (кафедра истории философии и теории познания, 1998 г.), окончила аспирантуру Института философии и права СО РАН, с 2001 г. сотрудник Института, в 2003 г. защитила кандидатскую

диссертацию.

Диссертационное исследование М. Н. Вольф посвящено одной из ключевых проблем истории классической философии – проблеме формирования гносеологической составляющей философского дискурса. Оппоненты отметили: значимость диссертации М. Н. Вольф в том, что это исследование идет вразрез с *mainstream* современной отечественной истории философии и показывает иные возможные горизонты исследования текстов формирующего периода античной мысли. Каждый отзыв завершали такие слова: «положения и выводы, выносимые автором на защиту, обладают высокой степенью новизны и представляются достоверными и оригинальными». Также был сделан акцент на том, что «работа написана прекрасным языком, а ее чтение доставляет настоящее интеллектуальное удовольствие».

Еще одна защита в Институте философии и права СО РАН состоялась 26 марта. Диссертация А. А. Шевченко «Социальная деонтология: нормативность, субъектность, обязательства» была представлена к защите на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия.

Официальные оппоненты: д-р филос. наук проф. В. С. Диев (Новосибирск), д-р филос. наук, проф. В. Н. Сыров (Томск), д-р филос. наук, проф. В. Н. Красиков (Кемерово).

Ведущая организация – Санкт-Петербургский государственный университет.

А. А. Шевченко – выпускник факультета иностранных языков НГПУ (по специальности «английский и немецкий языки», 1986 г.), Эдинбургского университета, Великобритания (магистр прикладной лингвистики, 1996 г.), окончил аспирантуру Института философии и права СО РАН (1992 г.), в 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию, с 1997 г. сотрудник

Института.

Основная цель исследования А. А. Шевченко – выявить источники нормативности обязательств, контексты возникновения социальных обязательств, описать их содержательную специфику, а также определить условия возможности и основные характеристики социальной деонтологической субъектности.

В своих отзывах оппоненты обратили внимание на актуальность и междисциплинарность исследования, что является безусловным плюсом работы. Немало вопросов вызвала авторская трактовка понятия «социальное обязательство» как такого, которое принимается добровольно и осознанно на основе нормативного рефлексивного рассуждения и связано при этом с обретением или осознанием субъектом обязательства своего социального статуса.

Итоги обсуждения подвел директор института В. В. Целищев. В своем выступлении он охарактеризовал работу диссертанта как исследование «процедурных вещей, имеющих фундаментальное значение».

С 13 по 19 апреля в НГУ прошла Международная научная студенческая конференция. Студенты и аспиранты приехали в Новосибирск из разных городов, чтобы поделиться итогами своих исследований и обсудить самые актуальные вопросы науки. В числе других была представлена секция «Философия», в которой были выделены следующие подсекции: «История философии», «Философия и современная наука», «Проблемы философской антропологии», «Общество и новые информационные технологии», «Традиции и

инновации в культуре», «Принципы и формы социального взаимодействия», «Философия и образование».

После конференции остались смешанные чувства. С одной стороны, порадовала «широкая география» участников и некоторые действительно интересные доклады. С другой – огорчили опечатки и ошибки в сборнике тезисов, реферативность некоторых докладов. С третьей – неприятно удивило мизерное количество участников от философского факультета НГУ – всего три человека!

ДОСТОЕВСКИЙ И СВЕРХЧЕЛОВЕК

Денис Маслов

Эпоха Возрождения впервые за всю историю поставила в центр внимания человека, сделав из него субъект. С этого времени человек начал свое восхождение: из жалкой твари он превратился в покорителя, творца, венец мироздания. Декарт провозгласил существование мыслящего субъекта единственной достоверной истиной, и это привело к убеждению, что мир принципиально познаваем, а значит, и изменяем. Разум и технический прогресс стали инструментом небывалого подчинения природы, которое привело к чувству эйфории, ощущению всемогущества: «Человек – это звучит гордо». Апофеозом этих тенденций стал XIX в. – время величайших открытий, завоеваний, надежд. Но величайший взлет предшествует стремительному падению: XX в. принес огромные разочарования человека в разуме, науке и самом себе. Самые пронзительные видения, чувствовали, что эйфория обманчива, еще в XIX в. раздавались протестующие голоса: Керкегора, Достоевского, Ницше...

ПРИРОДА И БОГ

Атеизм и его аргументация у де Сада

Валерия Привалова
Наталья Кочеткова

На иллюстрации: картина Триза Дармона «Маркиз де Сад».

Маркиз де Сад проповедовал вседозволенность в действиях личности (по его мнению, человек имеет полное право на то, чтобы следовать своим низменным желаниям, получать наслаждение путем причинения другому человеку боли, унижений и даже убивать). Он написал множество работ, в которых детально обосновывает эту теорию. Мы проанализируем одно из ярчайших произведений де Сада, чтобы определить его философскую составляющую.

В книге «Философия в будуаре» Маркиз де Сад утверждает, что «существованием своим человек обязан исключительно непреодолимым планам природы». Именно это высказывание, по нашему мнению, является исходной точкой взглядов автора, из нее он формирует свои воззрения насчет того, какое же место человек занимает в мире, и разрабатывает свое понимание этики.

Он ставит природу во главу всего и с помощью этого отодвигает Бога на задний план. Опираясь на законы природы, де Сад объясняет мироустройство, в котором человек не занимает центральную позицию, а находится там же, где животные, которые имеют право на существование, но, исчезнув, не станут причиной катастрофы.

Он рассматривает материю как самодвижущуюся, не нуждающуюся во внешнем толчке для движения: «...материя движется с помощью неведомых нам комбинаций, движение – неотъемлемая часть материи, она с помощью своей собственной энергии способна создавать, порождать, сохранять, поддерживать, уравнивать в безграничных просторах пространства все планеты». Де Сад также пишет: вполне возможно, что он не совсем правильно оценивает внутреннюю энергию материи. А идея Бога, по его мнению, произошла как раз в тот момент, когда человеческий разум был не в состоянии объяснить происхождение и смысл всего. Но что же при этом дает нам идея Бога? Она мало что объясняет, при этом сама является весьма смутной и сложной для человеческого понимания. Мы вообще не можем познать Бога, так как он никоим образом не может воздействовать на наши чувства. Всё это говорит о сенсуалистической позиции автора. Далее де Сад вступает в полемику с теми

учеными, которые полагали идею Бога врожденной: «Утверждение сие ложно, любой принцип основан на суждении, всякое суждение – следствие опыта, опыт, в свою очередь, достигается путем постоянных испытаний наших чувств; отсюда следует, что религиозные принципы, как явно ни с чем не соотносимые, врожденными не являются».

Де Сад говорит, что Бог, которому поклоняются люди, не является идеальным существом. Аргументирует он это тем, что Бог создал мир и оставил нас, предоставив человеку свободу выбора, при этом зная, что из этого не выйдет ничего хорошего. Затем писатель рассматривает образ Иисуса, говорит, что если он и был, то это сомнительная фигура, о которой даже историки того времени мало что писали, и что все его чудеса – всего лишь фокусы. Христианская вера поддерживает слабых, что против природы, ведь по природе слабые должны умирать, а сильные оставаться.

Природа у де Сада тоже довольно абстрактное понятие, которое можно сравнить с Богом. Но в отличие от Бога, природа безразлична к нашим действиям, потому что мы действуем так, как ей угодно. Христианский Бог дал нам свободу выбора, которой мы вправе пользоваться, но если мы всегда будем действовать так, как нам хочется, то мы можем этим «расстроить» Бога. Из этого де Сад заключает, что Бог является отвратительным существом, которое вводит человека в искушение, дарует людям возможность выбора и, заранее зная, что из этого получится, осуждает нас, если наш образ действий не совпадает с его заповедями (а ведь случается это чаще всего!).

В следующем номере мы рассмотрим воззрения Маркиза де Сада на мораль.

ОТЧАЯНИЕ ИЛИ ВОСКРЕСЕНИЕ

Кирилл Родин

..... «Меланхолия» Ларса фон Триера

Собирается жизни гроза,
Давит смерть, иссыхая, парит.
Мертвые открывают глаза –
О, зажмурься! Воскресенье
ударит.

Елена Шварц

I. О. С. Керкегор, первый учитель Ларса фон Триера, присутствует в новом фильме мастера непосредственно: не через возможные / заложенные прочтения (как было в трилогии «Золотое сердце»).

1. Прозрачное даже для публицистов-кинокритиков имя лошадки Авраам почему-то [вероятно, из-за того, что не дает легкой «семиотической» интерпретации] не вызвало аллюзии на керкегоровского Авраама, «рыцаря веры».

2. Небывалый жанр христианского эпоса.

3. Зрителю предлагают участвовать в производстве культурно-словесной гущи: «нежное тотальное разрушение», «интимная мелодрама», немецкий романтизм, Лукино Висконти, Ингмар Бергман, Андрей Тарковский, «волшебный грот из скандинавской сказки» [резюме словами Жюстины: «Жизнь на земле есть зло»]. Выгадывая из ворожбы ошибочные интерпретации, публицисты не замечают, как сами собою прокляты и оставлены.

II. 0. «Меланхолия» – шедевр, один из лучших фильмов начала XXI в. Делез полагал, что фильм принадлежит искусству, если выражает подлинную, т. е. действующую идею. «Меланхолия» – идея воскресения.

1. Воскресение «сильнее» царства «Антихриста». Ад в фильме «Антихрист» является, прорастает через и поверх человеческого тела, собирает мужское/женское в одну единую волю. Противопоставить ему необходимо не рай, но воскресение [вспомним С. Керкегора: греху противопоставлена не языческая добродетель, но вера].

2. Необязательное прочтение: Жюстин обнимает племянника, когда возвращается лошадка Авраам. Жюстин – «рыцарь веры», отнюдь не меланхолик и не языческая жрица (нумерологическая мистика присутствует только как декорация).

III. 0. «Меланхолия», как вершина творчества режиссера, позволяет увидеть все предыдущие фильмы объемно.

1. «Слово» К.-Т. Дрейера и «Рассекая волны» Л. фон Триера сталкивают нас с вопросом о природе чуда (а есть ли действительно чудо?). Присутствующее/отсутствующее (да-нет) «переключение» «ответа» свидетельствует: вопрос формален, существенна лишь идея человеческой доброты (так во всей трилогии «Золотое сердце»).

2. В «Меланхолии» всё сходится ко Гробу Господню («волшебная пещера»). «Чудо» воскресения у Л. фон Триера – настоящее, в противоположность, например, ложному и лживому чуду благодатного огня [известно, что режиссер заявил о своем желании снять порнофильм с участием западной и восточной христианских церквей].

3. «Вот он – свежий шов – / Земли и неба стяженье» – как писала Елена Шварц в стихотворении «Гроб Господень», – наиболее близком к «Меланхолии». – «И, все сердце собрав свое в вере, / На мгновение (долгое) умереть». 4. Мы не сможем прочесть «Меланхолию» через работы С. Керкегора. Триер занят тем же делом христианской культуры, что и Керкегор. Триер поднялся на эту вершину.

Агора

Кант выделил так называемую «вещь в себе», которая не поддавалась человеческому разуму и соответственно ограничивала возможности человека как мыслящего, рационального субъекта. Но стремление к всемогуществу не так-то легко остудить, и большинство пребывало в экстазе позитивизма. Некоторые называли социальные проблемы, несовместимые с духом времени, и предлагали решить их революционным путем, на основе разума. Другие, по выражению Л. Шестова (в эссе «Достоевский и Ницше»), «люди подземелья», разочаровавшись по тем или иным причинам в разуме, обратились к иррационализму, к тому, что позднее станет экзистенциализмом.

Но резкий контраст, явившийся от столкновения человеческих амбиций с человеческими же возможностями, не позволял останавливаться: человек непременно хотел сломать их, превзойти себя, стать сверхсубъектом, богом. И отсюда появление концепций «богочеловека» Соловьева, «сверхчеловека» Ницше, литературный вариант в виде Раскольникова в «Преступлении и наказании» и Кириллова в «Бесах» у Достоевского. Здесь хотелось бы отослать читателя к работам Бахтина, посвященным мышлению автора посредством персонажей (см. также М. Н. Эпштейн. Философия возможного. (1.8. Мыслящие персонажи)).

На мой взгляд, основная мысль «Преступления» разворачивается автором вокруг теории Раскольникова о праве преступления во имя человечества, ради спасения от боли и страдания, ради создания нового, счастливого будущего. Причем это право по совести. Человек (конкретный и все человечество в целом, которое двигают «лучшие», «великие», оно растет посредством их) имеет право перешагнуть для своего спасения через моральные принципы и нормы, навязанные косной массой с консервативной целью. Раскольников заявляет, что все великие люди – преступники, хотя бы в том смысле, что они отрицают старые священные нормы, преступают их и себя, потому что для души это трудный процесс и на него способны истинно великие (позже М. Фуко выскажет сходную мысль, но уже об интеллектуалах: истинный интеллектуал всю жизнь должен преступать свои рамки и создавать новые истины, порывать со старыми). Кстати, прежде всего это именно уголовники, неслучайно, что позже Ницше обращается к ним как прототипам сверхчеловека. Соответственно людская масса губит и душит таких людей, когда время перемен еще не наступило, понимая, что они чреватые для старого порядка и самой массы. Отличие «великого» от косного в том, что великий сможет переступить через любые рамки – особенно и прежде всего через себя. «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца». «Истинно великие люди должны ощущать великую грусть», грусть по поводу своей оторванности от мира, одиночества.

«**Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен убить себя. Кто смеет, тот тайну обмана раскрыл. Дальше нет свободы. Кто смеет убить себя, тот бог. Кто убьет себя только для этого, чтобы страх убить, тот бог станет.**»

Власть достается тому, кто посмеет ее взять, кто посягнет на большее. Именно власть необходима человеку, над природой, над собой. Он хочет стать полновластным господином, победить страх и боль, т. е. стать богом. Преступление требует жертвы, и это внутренняя трагедия человека.

Эту мысль Достоевский устами Кириллова развивает в «Бесах». Что для человека наиболее трудное препятствие? Он сам свое препятствие. Именно это чувствует Кириллов, но борется с этим, уже хотя бы тем, что напрямую ставит вопрос. Он говорит: «Вся свобода будет тогда, когда будет все равно, жить или не жить. Вот всему цель». Жизнь – боль, страх, страдание, но Кириллов не убивает себя потому, что жизнь любит. Цель же человека стать счастливым: «Потом будет новый человек, счастливый и гордый». Тот, кому будет все равно, жить или не жить. Тот, «кто победил боль и страх, тот сам Бог будет. А тот бог [старый] не будет». По признанию Кириллова, бог его мучил всю жизнь. Несмотря на осознание, что бога нет, Кириллов верил, что бог должен быть. Логика освобождения человека, по Кириллову, такова: «всякий, кто хочет главной свободы, тот должен убить себя. Кто смеет, тот тайну обмана раскрыл. Дальше нет свободы. Кто смеет убить себя, тот бог. Кто убьет себя только для этого, чтобы страх убить, тот бог станет». Своеволие, раскрывающее себя в преодолении самого трудного, позволяет человеку стать богом. Причем осознание этого предполагает и действие, и здесь Кириллов мыслит в духе Сократа: «Они нехороши, потому что не знают, что они хороши. Когда узнают, то не будут насильничать девочку. Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого»; «Кто научит, что все хороши, тот [старый] мир закончит <...> Он придет, и имя ему человекобог». И эта миссия отнюдь не легкое и желанное занятие, но она необходима.

«Если есть бог, то все воля его, из воли его я не могу убить себя. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие. Потому я обязан убить себя, потому что самый полный момент своеволия – убить себя». Интересен радикализм антиномий – либо крайний детерминизм, либо полное своеволие. Детерминизм здесь рассматривается как умопостигаемый, разумный. Но в результате разочарования в разуме, прогрессе отвергается и детерминизм.

Итак, налицо развитие до предела мотивов преодоления норм общества, старой морали и вместе с тем себя. Достоевский хотел показать, что у этого пути нет будущего и иного логического выхода, кроме самоубийства. Его идею подхватил и развил Ницше. Очевидно, самоубийство далеко не лучший и не единственный способ преодолеть себя.

Проблемы, стоящие перед человечеством, так и не решены, и корни их кроются в самом человеке. Ницше высказал мысль, что преодолеть себя (а заодно и свои проблемы) дано только сверхчеловеку, который наделен волей к власти, т. е. крайним проявлением своеволия. Сможет ли человек (как индивид, так и общество в целом) решить свои проблемы «в рамках» себя, или ему нужно радикально измениться? Вопрос открыт до сих пор...

ИНТЕРВЬЮ

Диев Владимир Серафимович – доктор философских наук, профессор, декан философского факультета НГУ с 5 июля 1995 года, вице-президент Российского философского общества (РФО), сопредседатель совета Ассоциации философских факультетов и отделений (АФФО), главный редактор серии «Философия» журнала «Вестник НГУ».

Агора: Владимир Серафимович, почему Вы стали философом?

Диев В. С.: Потому что «люблю умных!» Объясню, что имею в виду. Я не сразу понял, что философия – это мое. Начиная как математик. В школьные годы дважды становился победителем олимпиады по математике Омской области, участвовал во всесоюзной олимпиаде. К науке, кстати, в то время относились с уважением, тогдашние школьники осознавали и важность, и престижность научной деятельности. Потом с отличием закончил мехмат Новосибирского университета. Пока учился в университете, мне нравились гуманитарные науки, по ним я пятерки получал «автоматом». На третьем курсе нужно было выбрать специализацию. Наиболее интересны мне были логика и теория вероятностей, выбрал последнюю. Потом была аспирантура, сначала по математике, потом по философии. А кандидатская диссертация была уже по философии. Полагаю, что философия и математика очень близки: в основе и той, и другой – чистый интеллект, разум! Сейчас я понимаю, что в математике меня больше всего привлекала философско-методологическая составляющая, а в философии ценю логику, рационализм и точность. Безусловно, к любой профессии должна быть предрасположенность, способности. Это важно. Но важно принять себя именно в этой профессии. Люблю умных, то есть, тех, кто умеет мыслить, умеет пользоваться своим умом. Люблю философию, потому что она дает возможность реализовать свой интеллект. Так что философия – это

мой осознанный, рациональный, если хотите, выбор.

А: В этом году в Нижнем Новгороде состоится VI российский философский конгресс. Прошлый конгресс организовывался на нашем факультете, на базе НГУ, поэтому, что это такое, Вы знаете не понаслышке. Чего Вы ждете от грядущего конгресса?

В. С.: Спасибо за вопрос! Мне приятно вспоминать об этом. Горжусь, что, по мнению многих уважаемых коллег, конгресс «Наука. Философия. Общество» в Новосибирске был признан одним из лучших. Мы старались, и у нас получилось. Планку и по организации, и по программе новосибирский конгресс поднял очень высоко. Коллегам из Нижнего Новгорода важно не снизить этот уровень. Я уже много раз встречался с организаторами будущего конгресса: практически сразу после нашего конгресса в октябре 2009 г. коллеги из Нижнего приглашали меня для консультаций, а совсем недавно, 22 марта, в Москве состоялось заседание программного комитета VI конгресса, в котором я принимал участие в качестве одного из заместителей председателя. На этом заседании был утвержден список секций и «круглых столов», определены пленарные докладчики и тематика вечерних лекций. Надо понимать, что на конгрессах не делается открытий. Конгресс – это прежде всего некий итог, критическая оценка пройденного, обозначение перспективных направлений. Однако замечу, что тема будущего конгресса, на мой взгляд, слишком широко сформулирована – «Философия в современном мире: диалог мировоззрений». Чем шире тема, тем меньше возможности

Агора

для глубокого анализа. Поэтому ничего сверхъестественного от очередного конгресса я не жду.

Самое главное, конгресс – это общение философов, скажу более корректно, людей, которые занимаются философией. В этом смысле конгрессы являются очень важным элементом функционирования российского философского сообщества. К сожалению, центры философских исследований в нашей стране находятся всего лишь в нескольких городах: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Томск. В основном философы работают в вузах. Наша философская публика очень разнородная. Нередко темы исследований, научных докладов вызывают недоумение и даже отторжение. Недавно мне прислали книгу по «философии», где нет ни одной ссылки! Все «из себя»! Философия существует более двух с половиной тысяч лет, было высказано огромное число идей, но автор не считал нужным как-то соотносить себя с предыдущей традицией! Считаю, что профессиональное сообщество должно быть строже и критичнее к подобного рода профанациям. Конгрессы нужны, чтобы показать лучшие образцы философии, дать возможность представителям философского сообщества из регионов услышать выступления ведущих философов, например, В. С. Степина. На программном комитете принято решение, что он прочитает одну из вечерних лекций, обязательно постараюсь послушать. Вячеслав Семенович является ярким примером того, как можно и нужно философствовать.

А: Вы участвовали в конгрессах не только российских, но и мировых, в частности, были на конгрессе в Сеуле. Можете ли Вы коротко обозначить важнейшие тенденции в современной философии в мировом масштабе? И как они соотносятся с российской наукой?

В. С.: Действительно, в 2008 г. делегация из шести преподавателей нашего факультета побывала на всемирном конгрессе в Сеуле, в 2013 г. планируется конгресс в Афинах, и я думаю, там тоже будут наши представители.

Надо признать, что моду в философии, как и во всей науке, задают США и западная Европа. Доклады делегатов из этих стран были посвящены проблемам аналитической философии, истории философии, философии науки. Замечу, что эти вопросы находятся в центре внимания и философского сообщества Академгородка. Российская делегация на конгрессе в Сеуле была второй по численности, после корейской, что приятно. Если же говорить о тематике докладов наших соотечественников, то их спектр был достаточно широк, хотя при этом проблемы глобализации и философии образования явно доминировали. Хочу обратить внимание на статью Я. Хинтикки, опубликованную в седьмом номере журнала «Вопросы философии» за прошлый год, посвященную состоянию философских исследований в современном мире. В этой, как мне представляется, во многом программной работе, Я. Хинтикка ставит вопрос о том, «что может стать «пакетом стимулов» для философии», какие проблемы в «теоретической философии», на его взгляд, сегодня и в ближайшее время, наиболее актуальны и востребованы. В своей

статье Я. Хинтикка выделил специальный раздел, посвященный проблемам рациональности в принятии решений. Именно этой проблематикой в различных контекстах (принятие решений в управлении, принятие решений в условиях неопределенности и риска, модели принятия решений) я занимаюсь уже более двадцати лет.

А: Планируются ли на факультете какие-то нововведения?

В. С.: Планируются! Во-первых, факультет растет количественно. Мы начали готовить бакалавров философии. Сейчас у нас два курса бакалавриата, будет три, затем четыре. Кто-то из бакалавров пойдет в магистратуру, и она должна будет измениться. Сейчас там учатся бакалавры и специалисты, выпускники других вузов и факультетов, люди взрослые, зачастую уже с опытом работы. Для многих из них наша магистратура – путь в большую науку. Например, недавно прошла защита докторской диссертации Марины Николаевны Вольф, блестящая работа. Это пятый доктор наук, из выпускников нашего факультета. Напомню, что каждый седьмой выпускник философского факультета НГУ защитил кандидатскую диссертацию. Сохранят ли эту статистику защит, которой я очень дорожу, наши будущие бакалавры? Надо постараться, чтобы они ее не нарушили.

Во-вторых, 13 мая 2013 г. у нас юбилей – факультету исполняется 20 лет. Это серьезная дата, и мы ее будем широко отмечать. Второй юбилей, в июне 2013 г., не менее значимый – это 10 лет с начала выхода журнала «Вестник НГУ. Серия: Философия». В рейтинге РИНЦ мы 8-ые среди философских журналов России? (всего 357 журналов публикуют статьи по философии). Это – хороший результат, которым можно гордиться.

В-третьих, в 2006 г. Ученый совет НГУ утвердил концепцию развития нашего факультета, согласно которой предполагается открытие Отделения политологии. Традиционно политология базировалась на философских факультетах (в МГУ, СПбГУ), а потом выделялась в отдельные факультеты. Сейчас в связи с модернизацией политической системы в стране политология стала снова востребована. Таким образом, будет создаваться рабочие места для наших выпускников (магистратуры и аспирантуры).

Конечно, я очень надеюсь на строительство нового корпуса НГУ, так как в настоящий момент факультет чувствует себя довольно стесненно. В общем, нововведений впереди очень много.

А: Владимир Серафимович, назовите наиболее уважаемых вами философов.

В. С.: Платон, Фридрих Энгельс, Хосе Ортега-и-Гассет. Первых двух философов я ценю за ясность мысли и изложения. Мне очень нравится творчество Хосе Ортеги-и-Гассета, а его работу «О спортивно-праздничном чувстве жизни» я взял в качестве своего жизненного девиза, изменив слово «чувство» на «отношение». Считаю, что к жизни надо относиться спортивно-празднично!

А: Большое спасибо Вам за интервью!